

e-book

Чтобы стать бриллиантом,
нужно пережить давление

Адам Кинг

Адамант

Адам Кинг

Адамант

«СУПЕР Издательство»

Кинг А.

Адамант / А. Кинг — «СУПЕР Издательство»,

ISBN 978-5-99-651847-0

Лондон и Америка. Девяностые и шестидесятые. Истории двух разных людей, попавших в «плен» безумия, после которого прежняя жизнь ушла так же естественно, как осень сменяет лето. Пастор, которого осудили за убийство, и клоун, который устал от пустоты в душе.

ISBN 978-5-99-651847-0

© Кинг А.

© СУПЕР Издательство

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Адам Кинг АДАМАНТ

Пролог

Лондон и Америка. Девяностые и шестидесятые. Истории двух разных людей, попавших в «плен» безумия, после которого прежняя жизнь ушла так же естественно, как осень сменяет лето. Пастор, которого осудили за убийство, и клоун, который устал от пустоты в душе.

Несмотря на огромный разрыв во времени, герои влияют на жизнь и судьбу друг друга, но чем все закончится? Предстоит узнать лишь тебе.

Глава 1

– Твой смех настораживает меня, Джимми! – эхом скользнул в голове незаслуживающий внимания упрёк внутреннего голоса.

– О, не стоит, поверь…

Натирая белые щёки багровой и липкой краской, устремил луч надменно безразличного взгляда самому себе актёр ещё несуществующего кинофильма. Зеркальное отражение в точности передавало фигуру ещё не до конца омертвленного героя, вселяющего в детские разумы лишь веселье и громкий смех. Казалось, этот взгляд в точности передавал абсурдность самого суждения.

– Дети любят мой смех… – почти шепотом произнес он. – Слышишь!? Они любят его..

Из его глаз, казалось, вот-вот хлынет скупая, но в то же время невыносимо тяжёлая, свинцовая, полная душераздирающих эмоций слеза.

– Да, возможно, он стал более истеричным, но не менее задорным! – задрав идеально выбритый подбородок, чтобы поправить галстук, заметил Джим. – Да, и, к тому же, ты – по ту сторону зеркала, и, знаешь, это лёгкое расстройство, принесенное вчерашними известиями, изрядно потрепало меня, вот и всё… признаюсь, ты прав, тону свойственно меняться, но больше я склоняюсь к тому, что никто не заметит такой мелочи… – задорно улыбнувшись во весь рот, подмигнул он своему отражению.

«Hi, kids, who I am?» – репетируя заранее написанный сценарий, ждал ответа в зеркале Джимми. – Ну же, подыграй мне! Что-что? Вы сказали «Happy»? О да, это я, и сегодня мы будем смеяться до упаду…

Поддельный смех вскоре сменился истерически подавленным, а вскоре и вовсе стал горьким, как полынь. А в разуме всё мелькала фраза: «who I am?»

Я мог часами тонно бормотать, не замечая, как ясное синее небо сменяется алым закатом, напоминающим только что вытоптанный, как тысячу лет назад молодыми девицами, сок винограда, стекающий и растворяющийся в море.

– Вот моя награда! Несколько часов неосознанного молчания собственных мыслей, полёт в мир грёз. О, даже сны не приносят мне такого спокойствия…

«Весь мир – арена, сынок, а мы в ней создаём шоу для богов Олимпа. Отнюдь наскутивших, скармливают львам, не позволь себе умереть от лап жестокой судьбы!»

Это были последние слова отчима перед не менее фееричным концом «его шоу», только это была не месть богов, а сердечный приступ, вполне объяснимый не самым здоровым образом жизни. Повторить его судьбу я не хотел, и уже тогда решил уйти из чуждого мне места, так называемого «домом». Искать бы меня никто не стал, ведь сироты – отбросы общества.

Как-то однажды мы были в цирке, этот поход был решающим в моей будущей судьбе. Восхищение ещё оставало в моих глазах ближайшие сотню, а то и две сотни миль. Одиночество и трепетный огонёк, внезапно зажегшись, породили твёрдое решение стать лучшим номером на этой арене. И тогда смело и отчаянно я поспешил в купол, который гастролировал по всей стране…

Неожиданное завывание желудка прервали этот экскурс в прошлое.

– Тут я с тобой соглашусь, от плотного ланча откажется только безумец!

Но могла ли эта пища насытить мой неутолимый голод? Ты думаешь о видимой стороне, которая так предсказуема, порой жестока, а порой и игриво заманчива, но было что-то большее в этом отчаянном крике потребностей. Меня же они интересовали меньше всего.

Прогуливаясь по ночным улицам Лондона, я зачастую брал с собой ещё парочку сэндвичей в надежде найти такого же несчастного, чтобы вдоволь напитаться его рассказами, да

и к тому же бедность меня не преследовала, мой заработка с лихвой покрывал все нужды, но разве это всё, чего я хотел?

Молодые жеребята выдают свою породу – это так же просто для прочтения, как ладонь с ломаными линиями судьбы для гадалки. За годы общения с разными людьми, среди которых были от самых богатых, до бедолаг бедняков, бродячих философов и ослеплённых страстями мужчин, я подвёл черту. Мои выводы заставили меня сначала отрешиться, но вскоре вновь проникнуться всей абсурдностью. Для счастья каждому нужно по-разному: кому-то достаточно будет дома, семьи, работы в поле. Для кого-то счастьем будет элементарно домашнее животное или человек, а для кого-то – горы сворачивать будет недостаточно. Но почему так?

Жгучий дымок покрывал эту тайну мраком. Не один год ушёл на раздумья, поиски привели меня к выводу. Переступив плиту основных потребностей, идёт отбор на довольных достигнутыми результатами и теми, кто жаждет вкушать со стола богов, а не довольствоваться крохами… Я был такой породы. Как жеребёнок, грезивший о безграничных зелёных полях, орошаемых на рассвете майского умиротворения, прохладных источниках, освежающих разгоряченный нрав..

– Джимми, три минуты до выхода.

Терпко, с волнующими нотками, выдавил из себя Боб, король купола, в который мне посчастливилось попасть однажды. Но каждый из присутствующих понимал, кто тут король: я был неотразим в своем деле. За это он обильносыпал меня червонцами.

– Я вижу на ваших лицах восторг, но это ещё не конец! – Волнение пробежало волной по залу, и на миг, словно весь мир под куполом, даже те, кто знал, мои коллеги, ожидали, что предстанет перед их глазами. – Предлагаю позвать его… – с намекающе-саркастичным тоном возвысил голос Боб.

– Happy! Happy! Happy!

Зал единодушно, как по сговору, словно призывая нечистый дух, зазывал меня на сцену. Да, признаюсь, мне это льстило.

Началось представление, легкий напев ирландских мотивов, такие задорные и тёплые, как будто что-то родное. Я растворялся в этой атмосфере, а детишки визжали от счастья, что, собственно, и было моей работой. Молодые родители и пожилые бабушки и дедушки не могли смотреть без улыбки на лице – ловкие трюки и фокусы казались магией, особенно тот, со шкафом. «Как же легко обмануть зрителя», – думал я в такие моменты..

По сути, я был лишь золотой рыбкой, приносящей хороший доход боссу, но этого ли я хотел? Звон монет на миг лишь отвлекал от тяжёлых дум, они возвращались каждый раз после перерыва на ланч. Порой я проклинал тот огонёк внутри, заставлявший меня идти без остановки, не насладившись тем, что у меня уже есть. Но он был мне подвластен, так что, при желании, легко утихал. Я проснулся этой ночью от мимолётного страха. Он ещё, волнительно покалывая, дрожал в кончиках моих пальцев, и был такой неведомый и далекий, но всё же, в мой разум, как в цветной шарик со смайликом, угрожающе, с неумолимой жаждой, кто-то пускал стрелы. Думаю, не трудно догадаться о результате такой картины, только мой разум мог ещё сопротивляться, и казалось, что это были бабушкины спицы для вязания, а шарик с очень толстой шкуркой. Несомненно, эти мысли отвлекали от кошмаров, висящих в воздухе, от чего у меня пересохло в горле.

«Жарковато сегодня», – подумал я, спуская ноги в тапочки, и неохотно, тяжёлой походкой побрел на кухню.

«Если призраки всё же существуют, то я смогу научить одного из них приносить мне стакан молока, как обезьянку в цирке»

Мысли всё заполняли мой разум. Открыв дверцу холодильника, я стоял в сонном бреду, пока пелена, что застилала мне глаза, не стала растворяться в ночной тиши. Пошарив рукой, я нашупал банку молока: она была ледяная, но лишь она согрела меня.

«Такой желанный, белый, как сам Бог», – пронеслась очередная мысль. Сидя в кресле и смотря на стакан, я задумался: «Чак приносит к моей двери это молоко каждую среду и воскресение, а я желаю ему удачи и улыбаюсь в след. Да, это его работа, но для него она, возможно, что-то большее. Возможно, он самый счастливый человек на свете, ведь он точно уверен, зачем встаёт каждое утро, а что же я?»

Мертвая тишина, ничем не нарушающая, царила в эту ночь, лишь внутренний монолог беззвучно кричал в пустоту.

«Я однажды беседовал с Чаком. Он – самый простой человек, низкорослый, но крепкий, с пышными белыми усиками, смотревшимися как белая клякса на чёрной коже. А когда он смеялся, его глаза блестели, как жемчужины. После войны его жизнь перевернулась. Дом, в котором он жил, навсегда был стёрт неумолимым пожаром, его жена пропала без вести, – но его слова не были похожи на горечь. Он тогда сказал: Джим, жизнь прекрасна, она так коротка и мимолётна, стоит ли тратить её на ненависть или пустые миражи? Одно лишь важно: ценить каждый новый день и наслаждаться простыми вещами..»

Мягко смакуя, я не смел произнести ни звука, который мог украсть мимолётный миг счастья.

«А впрочем, я, вероятно, создан носить в себе омертвельость, чтобы в конце концов раствориться в небытие».

Как во всех рассказах Кинга, сейчас идеальный момент главному герою затянуться, и, уставившись в одну точку, пускать колечки дыма в потолок, но Джимми пообещал себе не делать всего того, чем загубил себя его несчастный отчим. А однажды, когда властный диктатор был ещё полон сил и его лицо излучало не совсем здоровый, но и ещё не совсем серый цвет лица, так сильно поколотил его за то, что тот с друзьями позволил себе сделать ту роковую затяжку.

– Помню, как сейчас, комок дыма словно застрял у меня в глотке и я так сильно кашлял, что глазные яблоки готовы были выкатиться из орбит... – с ироничной отблескивающей улыбкой вспоминал Джимми.

– А что если бы всё пошло по другому? – он боялся даже представить другой поворот событий. – Тогда я бы стал похож на него...

Словно зная ответ, он испытал отвращение, и секундная дрожь пробрала его от головы до пяток.

– Подумать только, Джимми, тебе не совестно так думать обо мне? – эхом проносился привычный голос в голове.

Самое страшное – это был его голос... Да, он ушел, но навсегда засел в моей голове, как призрак, который нашел пристанище, возможно единственный на всей земле. Но кто мог рассудить это? Напоследок я приоткрыл окно и свежий, как родник в пустыне, поток воздуха обдувал моё лицо с такой лаской и заботой, как мать, поглаживающая своё новорожденное чадо.

Глава 2

– Бродячий купол, звон монет, меня так манит... ммм... ммм... – напевая, Боб перебирал в грязных от бродячей жизни руках злосчастные купюры, пропитанные кровью и потом простых бедняков, которые хоть на несколько часов желают вспомнить те беззаботные времена, когда они были мальчишками и девчонками с ясными, ещё верящими в чудеса, глазами. – Джимми! Подпевай дружище! – радостно голосил Боб. – Дорога для бродяг, а лавры для тру-дяг! Мм. мм. мм... – завывал он.

Я не подпевал, но лишь натянул поддельную лёгкую улыбку.

– Сегодня ты не в духе, но позволь заметить, ты был неотразим!

– О, спасибо... но..

– А что ты стал в дверях? Проходи, обсудим твой гонорар!

Всем своим видом я излучал желание сбежать, как птица, попавшая в силки...

– Тебя что-то тревожит друг мой?

Потирая руки от ожидания, Боб уставился на меня, как разбойник на свою жертву.

– Кажется, я понял! Да, я был к тебе несправедлив, сейчас же добавлю к твоему жалованью! – стукнув по столу, рассмеялся он.

Коснувшись его плеча, я подумал лишь об одном: «мне пора». Холодный ужас пробежал по его телу, словно крик в моих глазах вырвался наружу, и, как сухой, порывистый ветер, ошпарил его.

– Нет... ты же не..? – всё тише, прикрывая рот ладонью, говорил он.

Меньше всего мне хотелось объяснять кому-то, что происходит в моей израненной душе.

– Дело не в деньгах, – холодно произнес я.

– Неужто, в другом цирке ты будешь счастливее, чем здесь? ты вырос на моих руках, Джим. Кто, как не я, знает, что тебе нужно..?

– Все актёры уходят за кулисы, Боб, уходят достойно, – почти шепотом вымолвил я.

Помню, как сейчас, тот взгляд, который бросил вслед уплывающей жизни... прошлой жизни..

Вернувшись домой, я стал перебирать свой письменный стол, и что-то незнакомое навевало мне написать эту историю...

* * *

Сегодня в парке не было ничего особенного, как и в любой другой день. Малые дети и их мамы, прохожие, выгуливающие своих собак, радовались новому дню. Лавочки были расположены по кругу, что создавало большую площадку, внутри хорошо освещаемую солнцем, где часто грелись голуби и бродячие собаки. Да, лето 1963 года выдалось особенно жарким, но из года в год я сидел на одной и той же, с оторванной на спинке доской, скамье, закрытой густой копной листьев, так что и в дождь, и в солнце, было довольно комфортно. Именно напротив этого парка находилось здание суда, и свой рассказ я хотел бы начать с главного: Энтони Браун был отдан под суд! Но за что, спросите вы? Летом этого года, м-р Браун был взят полицией по подозрению в убийстве сорокалетней Елизабет Миллер. Суд принял апелляцию и приговорил Брайана к десяти годам вместо пятнадцати в колонии «NSP» в Линкольне, штата Небраска. «Жизнь в неволе и работа в поле научит тебя ценить свободу, сынок», – холодно произнес судья перед тем, как раздался оглушительный стук молотка. Поток заключённых, как стадо овец, водимых пастухом, выходя из автобусов, направлялись к главному корпусу, где и предстояло скоротать проклятый срок. Тюрьма была разделена на три части: корпус А, в котором содер-

жали заключённых с пожизненным сроком, корпус Б, который стал моим домом на ближайшие десять лет, и дворик для прогулок, занятием спортом, также маленькая библиотека, а в ней был зал с настольными играми. Сама тюрьма была похожа на ботанские очки нашего судьи: два круглых корпуса и продолговатая площадка. Сидя в своей камере, я попытался представить, как она выглядит с высоты птичьего полёта, и у меня получилось довольно хорошо. Также в нашем блоке были одиночные камеры. «Их хватит на всех вас, щенки», – частенько повторял м-р Дэниелс. Моя камера была напротив камеры Брайана, что давало мне отличную возможность понаблюдать за ним. Ведь кто знает, враг он или друг, во всяком случае, от союзника никто не откажется. Меня запекли сюда три года назад, когда попался на крупном ограблении. Мне светил большой срок, но мой адвокат смог скинуть лишние пятнадцать лет, убедив судью, что я делал это под угрозой смерти. «Бог был на моей стороне, но к прежней жизни я вернусь нескоро», – пробормотал я, смотря в потолок камеры в первую ночь.

Жизнь протекала однообразно и привычно, – это было хорошо. Дни летели, и надежда, которая все еще тлела, постепенно разгоралась. Брайан был сдержан и старался быть вежливым со всеми, что не принято в таких местах. Во время прогулки он делал полный круг по дорожке, вымощенной камнями, намертво склеенными друг с другом, что по началу настораживало часовых, дежуривших на вышках. Вскоре это вошло в привычку и стало недостойным внимания. Это был загадочный человек: такого невинного я не наблюдал за этими стенами с тех пор, как переступил порог NSP. Теперь стало моей целью не дать его в обиду, ну, ты знаешь, я человек не тех нравов, но добро порой просыпалось в моей чёрной душе. Поэтому сегодня я решил завести разговор. Признаюсь, это было волнительно, как на первом свидании: не знаю, подходит ли это сравнение...

Он сидел на скамье, перебирая листы какой-то маленькой книжонки. Ветер колыхал их, поэтому чтение было неудобным. Этим я и воспользовался:

– Я смотрю, ты смирился с кончиной, – шутя, произнес я.

– Почему же?

– Библия, – указывая пальцем, съязвил я.

– Ты знаешь, она успокаивает, но судья сказал: «и сам Бог не поможет, если дело не пойдет в твою пользу», – весело вымолвил он, и мы посмеялись.

– Брайан.

– Мел Гибсон, но зови меня просто Мел.

Наш диалог был прерван, когда в воздухе раздался свист, означавший какую-либо команду: в основном, построение на приём пищи или на исправительные работы, но сейчас это означало «по камерам, жалкие отбросы». Мы ещё раз обменялись взглядами, и я исчез. «Неплохо для первого раза», – похвалил я себя.

Глава 3

Через три недели на очередной перекличке был озвучен список заключённых, которые поедут на кукурузные поля. Почему так просто? Америка – страна больших надежд, и с помощью тяжелого труда вбивали нам в голову, что пора бы исправиться и начать жизнь с чистого листа. А ещё, это отвлекало от решёток и наручников… Как это ни странно, в списке оказалась и моя фамилия, а следом – Брайан. «Кто-то наблюдает за нами», – подумал я. Но кому какое дело до того, с кем водят дружбу заключённые? Да и на самом деле, это было не столь важно, однако же я был рад, что смогу ближе узнать всё ещё довольно подозрительного человека с Библией подмышкой.

Сегодня был особенно жаркий день, но под вечер подул лёгкий ветерок, колыхая кукурузные плоды, шурша пожелтевшей ботвой. Почему я вспомнил этот день? В этот день Энтони Браун стал моим лучшим другом. Ну да хватит прелюдий. Слушай…

Жара была невыносимой, а вода была у нас в флягах. День был долгим, поэтому нет никакого сомнения, что растянуть прохладно живительную жидкость, с привкусом болота, не удалось бы. Я, что есть время, выпивал по глотку, который всего на миг давал удовлетворение от жажды. Казалось, эти поля никогда не закончатся. Ноги мои подкашивались, а привкус соли на губах был отчётливо различим, смешиваясь с водой, создавая неведомую смесь, от которой могли отказаться почки, а в лучшем случае, образовать в них камни. «Ещё пару шагов и отдохну», – подумал я перед тем, как почти замертво упасть на землю. Дальше помню отрывками и по рассказу самого Брайана.

Рухнув на землю, я издал тихий стон. Все обернулись посмотреть, что со мной, но Брайан рванул первым и ощупал пульс: «ещё жив», – тихо сказал он. Ощупав мою фляжку, и поняв, что в ней ничего не осталось, он приподнял меня и стал поливать лицо водой из своей. Тут я очнулся, и перед глазами в полный рост стоял сержант Пейн.

– Что тут происходит? – раздраженным тоном выкрикнул он.

– Ему стало плохо, я в прошлом был доктор и подумал помочь… – не дав договорить, сержант вырвал из его рук фляжку, и вылил остатки воды на землю.

– Ты попал в мир зверей, сынок! Посмотри на них: они желают твоей смерти! – обведя пальцем всех, истерично кричал он. Его звериный взгляд ещё секунду пронзил Брайана. – Помоги себе!

Толкнув его, сержант хотел подать команду «перерыв», но меня так разозлила эта выходка, что, словно иной силой, меня подкинуло на ноги, и я готов был стереть эту надменную ухмылку с его лица.

Пейн, заметив это, достал дубинку. Но тут произошло то, чего я до сих пор не могу понять. Брайан встал между нами, и удар деревянной дубинкой пришелся ему по спине. Я помню тот добрый взгляд моего друга и ту ярость, с которой наносил этот удар сержант. Брайан издал лишь резкий стон и обернувшись к Пейну произнёс: «Мел, он не стоит ни одного твоего удара». В этот момент всех словно сковал животный интерес, в глазах читалось: «Кто он такой?». Признаюсь, я и сам был в изумлении. Реакция последовала мгновенно:

– Да что ты себе позволяешь, пёс? – сержант хотел замахнуться и покончить со своим унижением, но второй его одёрнул. Это был белокурый, с рыжеватыми волосами, худощавый, как початок кукурузы, человек в форме, которая была не по размеру. Его звали Вильям, но все называли его Вилли.

– Пускай продолжают работу, не хватало нам ещё одного калеки… – Пейна эта мысль успокоила, а в глазах Вилли читалось глубокое уважение.

Они отошли, и о чём-то разговаривали.

– Ты в порядке? – спросил меня Брайан.

– О, нет, это я должен спросить: ты в порядке? – он слегка улыбнулся. – Ты безумный? Он мог избить тебя так, что живого места не осталось бы!

– А что это за..

– Был один парень! – перебил я. – Он хотел бежать, и я соглашусь, лучше момента не найти. Только вот он решил погеройствовать: когда сержант начал злодействовать и некоторых из нас бить, то он набросился на Пейна и разбил ему нос. В драку влезли ещё сержанты, и так его отмолотили, что тот через несколько дней скончался в одиночной камере.

– Зло поражает зло... – на выдохе произнёс Брайан.

– Тебе повезло.

– Ты хотел сказать «спасибо»?

Мы посмотрели друг на друга, и лишь на этот миг, как лавина с гор, нас накрыл смех, словно мы не за решёткой, как будто, сидим не на сырой земле, и в спину смотрит не дуло автомата, а дома в хорошей компании друзей, там, за стенами ада.

– Да, чёрт возьми! Спасибо! – похлопав Брайана по плечу, через слёзы сказал я, только это были слёзы радости, благодаря которым и не сходишь с ума в мире, где каждый сам за себя.

– У меня совсем не осталось воды... – смотря в горлышко фляжки, процедил Брайан.

Я хотел было сказать, что отплачу, когда вернёмся, но его кто-то похлопал по плечу, и протянул руку. Думаю, он хотел пожать руку, но Энтони смекнул, и отдал свою фляжку. Произошло то, что меня поразило до глубины души: каждый стал отливать из своей фляжки ему, и в скоре она была полная.

Он протянул её мне, но я не смел сделать и глотка. В тот же миг я подумал: «я не достоин дружбы с таким человеком», – но он лишь помог мне встать, и работа вновь пошла полным ходом.

Лёжа в камере тем вечером, я никак не мог понять: «откуда он взялся, и как его могли посадить, и за что?». Да и Брайан не рассказывал. Но одно я знал точно: я приобрёл друга на век.

Глава 4

Летели месяцы и годы нашего заключения. Думаю, будет безрассудно описывать всё, что происходило с нами в это время, хотя и считаю своим долгом запечатлеть историю человека с Библией.

На дворе стоял 1965 год, теплое лето сменяла играющая красками осень. За это время многое изменилось. М-ра Дениелса сменили два новых начальника тюрьмы NSP. Тот, первый, м-р Девис, был сущий диавол во плоти. Однажды, когда малыш Морис, местный библиотекарь, тайно в книгах, что разрешалось читать, проносил эrotические журналы типа «Малышка Элли», или же «Страстная ночь» для нас, (естественно за плату, которую заключенным приносили скорбящие родные и друзья, ещё не попавшие в руки правосудия, на свиданках), перевернул телегу. Когда же Морис стал собирать, тот пнул его по лицу со словами: «Эта грязь не заслуживает жизни». Тогда Брайан на очередной прогулке объяснил мне, что Господь совершил отмщение, а нам стоит лишь молиться о Девисе. Слова были правильные, но принять я их не мог, и не один я. Об этом случае умолчали, но недолго было ему глумиться.

Через два месяца он окончательно выжил из ума, и, выгнав сержанта вон с дежурства, закинул ноги на стол, а когда все крепко спали, стал стучать по решёткам каждой камеры. Этот мерзкий лязг звоном отдавался в ушных перепонках. Тогда один из заключённых, громила Хелл, купил билет в один конец. Да, я имею ввиду электрический стул, размозжив его наглую ухмылку об прутья решётки. М-р Девис был возмущен, когда Хелл назвал его выродком, и подошёл так близко к решётке, что попал в западню, как птичка в силки. Мощные руки мертвой хваткой сжали его уши, и в тот миг мерзкую ухмылку Хелл превратил в окровавленную отбивную со словами «умри, выродок!». Он колотил его об решётку с такой яростью, что лобовая часть черепа провалилась внутрь, а правый глаз мерзкой жидкостью вытек на окровавленный пол. М-р Девис лежал лицом, точнее месивом, напоминающим лицо, в пол, а левое ухо, сжатое в ладони, осталось у мстителя. Но в тот миг никто не радовался. Я вспомнил слова Брайана, но всё же пронеслась мысль: «диавол забрал своего чертёна!». Стояла гробовая тишина, а в ней послышалась молитва: «упокой, Господь, его душу». Через минуту вся тюрьма, как заведённая, окрасилась в красный свет сигнальных ламп.

Следующий начальник, м-р Гарсиа, жестокостью не отличался, хотя роста и крепкого телосложения лишён не был. Где-то вычитал, что это имя переводится буквально как «медведь». «Да, он точно медведь», – подумал я. Он был помешан на чистоте, а ещё у него была привычка тушить окурки о холодец, который варила его жена. Бывало, когда ему взбредёт в голову, вместо прогулки мы драили камеры и этажи. В один из таких дней у Брайана выпала Библия: он всегда носил её с собой. Как-то он мне рассказывал, что прятал её то в рукава, а порой и в носок. «Сегодня ему не везёт» – пробормотал, я потирая кофейное пятно возле стола. Книжонка угодила прямо в ведро с уже почерневшей водой. Брайан, как ошарашенный, бросился вытаскивать её, но Гарсиа поймал его руку и сверлящим взглядом, посматривая на него, крикнул: «Энтони Браун! За мной!». Я вздрогнул, и хоть был ярым реалистом, в мыслях молил Бога о том, чтобы с ним всё было хорошо. Их фигуры уплыли дальше по коридору, а затем и вовсе скрылись за дверями. С нами остался сержант Вилли. Алый закат потухал и на небосводе стали сиять одна за одной звёзды, но их всё не было. Тогда я погрузился в чтение романа Мэри Шелли, он назывался «Франкенштейн», и через четверть часа уже посвистывал храп. Послышался звон ключей, и открыв глаза, я застал Брайана уже поправляющим подушку. На следующий день, в столовой, я поинтересовался что произошло вчера, и к нашему столу подтянулись по одному четыре парня с тем же вопросом. Я знал их, как и мне, он помог им. Как-то Брайан рассказывал мне, что Иисус сидел на возвышенности прежде, чем произнес известную нагорную проповедь. Так вот, сейчас было один в один. Помню, как сейчас, он ска-

зал: «м-р Гарсиа подарил мне новую Библию вместо старой, и сказал, что я получил повышение: теперь я буду замещать старого библиотекаря».

— Ахах, ты серьёзно? — сначала Карл и вправду смеялся, но потом пристальные взгляды присутствующих дали знать, что это вовсе не шутка.

Нас было пятеро свидетелей Энтони Брайана. Карл, в прошлом шахтер, — несчастный случай обеспечил полжизни в этой тюрьме. Тогда погибло трое зарытых заживо шахтеров. Но, я думаю, он не был инициатором. Всё произошло быстро и неожиданно: неполадки с техникой, но кого-то нужно было оставить крайним.

Жак, уроженец Франции, в семнадцать мигрировал в штаты. Через пять месяцев оказался в Небраска, где и угодил в аварию: вождение в нетрезвом виде привело к столкновению, и вторую машину выкинуло на встречную полосу, где фургон с мороженым сделал своё дело. В общем, четыре трупа и большой срок.

Пол, бывший военный, служил в Техасе. Ночью в его дом ворвались парочка шальных нигеров, и он, не став дожидаться полицменов, накормил их парочкой пуль из двуствольного ружья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.